

УДК 008

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

*Р.А. Дроздова, соискатель
ВСКАКИ, Улан-Удэ*

В статье в критическом аспекте изложены представления автора о формировании молодежной культурной политики России. Данная проблема, хотя и освещается в современной культурологической литературе, но, к сожалению, лишь в общем плане, без выделения аналитического поля молодежной культурной политики. Между тем, именно молодежи отводится главная роль в формировании отечественной культуры XXI века, от чего во многом зависит и будущее страны.

Ключевые слова: культура, культурная политика, культурология, молодежь, реформирование, категория, феномен, субъект, объект, проблема, анализ.

Приступая к изложению, следует подчеркнуть, что реформирование, преобразование общества в гражданское и демократическое невозможно без разрушения несущих конструкций старого общественного здания, создания новых механизмов политического влияния органов власти на все слои населения и представительства в них. В свою очередь, эту задачу невозможно решить без четкого формулирования в государственных актах и законах отношения государства к каждой из социальных групп общества и молодежи в том числе, т. е. определения своей политики по отношению к ним. Наблюдаемое сегодня ослабление политических ресурсов молодежи в этих условиях как раз и связано с глубинными процессами структурной перестройки российского общества на новых социально-экономических и политических основаниях.

Утратив многомиллионную молодежную организацию – комсомол, а с ним и прежний социальный статус «резерва КПСС», молодежь в современной России пока еще не только не нашла свою нишу в новых политических структурах власти, но и не стала предметом полноценного внимания к себе со стороны государства. Отсюда – необходимость критического анализа сложившейся ситуации с целью выявления всего комплекса причинно-

следственных связей, которые определяют общественное положение молодежи в реформируемом обществе, где политический статус проявляется, в конечном счете, лишь как учет потенциала социально-политических ресурсов молодежи, который целесообразно использовать, например, в предвыборной борьбе политических сил. В этом смысле, безусловно, возрастает и роль государственной молодежной политики в области культуры.

Начать такой анализ, видимо, надо с утверждения о том, что запущенное в общественное и научное пространство два десятилетия назад словосочетание «культурная политика» выглядит и до сих пор своего рода фантомом, ибо встретить четкое разъяснение этого понятия представляется весьма проблематичным.

В качестве примера обратимся к самому «осведомленному» научному изданию – «Культурология. XX век. Энциклопедия», напечатанному в 1998 году в Санкт-Петербурге [1]. Результаты обращения к этому фундаментальному труду нас разочаруют: определение «политической культуры» мы здесь найдем, а «культурной политики» – нет. Однако согласимся, что эти два феномена далеко не равнозначны по содержанию. Нет упоминания об этом феномене и в «Энциклопедическом словаре по культуроло-

логии» под общей редакцией доктора философских наук, профессора А.А. Радугина [2], нет этого упоминания и в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» известного ученого-лингвиста и философа В.П. Руднева [3].

Не удалось нам пока что встретить и более или менее убедительного, устраивающего всех определения культурной политики и в российских научных изданиях по проблемам культуры, хотя заголовки статей в них нередко посвящены именно культурной политике. Это еще раз подтверждает: словосочетание «культурная политика» чаще всего употребляется пока что в расхожем смысле, не на уровне научной рефлексии, а на уровне интуитивного понимания каждым, о чем, собственно говоря, идет речь. В этом смысле не является исключением и монография В.С. Жидкова и К.Б. Соколова «Культурная политика России: теория и практика», изданная в Москве в 2001 году и специально посвященная этой проблеме [4].

Если уж «таинственность» и «загадочность» этой категории «отпугивает» даже признанные авторитеты отечественной культурологической мысли, то, наверное, это не случайно.

С другой стороны, как отмечает В.Л. Кургузов, «стоит ли после этого удивляться громким стенаниям современных ученых, дипломатов, политиков по поводу того, что люди, народы и страны не слышат и не понимают друг друга, если даже в одноязычной среде мы привыкли говорить «на разных языках», вкладывая в одно и то же словосочетание какой угодно смысл, не ограничивая себя никакими определительными рамками. При таком положении, конечно, ни о каком продуктивном диалоге и речи не может быть. С другой стороны, такое положение ни к чему хорошему не может привести даже в повседневности и в быту, тем более оно недопустимо в науке. И это не морализаторство, а жесткое требование научной этики: употребляешь понятие – дай разъяснение, какой смысл ты в него вкладываешь» [5].

В размышлениях над феноменом «культурная политика» уже при ближайшем рассмотрении становится вполне понятным, почему большинство представителей «научного цеха» старательно «избегают» объясниться по существу поднимаемого вопроса. Впрочем, это всего лишь наша версия, и не более того.

Первое, что приходит в голову диссертанта после изучения литературы, это то, что в широком понимании словосочетание «культурная политика» – это терминологический нонсенс, «масло масляное», ибо оно априорно предполагает, что есть какая-то и «некультурная» политика. А это уже мистика. «Все культурологически грамотные люди, – подчеркивает В.Л. Кургузов, – прекрасно знают, что политика, как впрочем и экономика, наука, искусство, религия и идеология, «со всеми потрохами атрибут культуры и ничем иным быть не могут», так как культура есть плод воображения, и политика есть не что иное, как воображение, проектирование. Разумеется, если люди при этом под культурой понимают не только плоды деятельности человека и поступки под знаком «плюс», которые радуют «глаз и ухо», но и под знаком «минус»...».

«В культуре, – продолжает ученый-культуролог, – одновременно уживаются Ангелы и Бесы, Пол Пот и мать Тереза, Гитлер и Швейцер. В культуре есть люди, которые сморкаются при помощи трех пальцев, и те, кто это делают с помощью носового платка. Немало людей, которым нравится петь незамысловатые современные песенки-однодневки, и эстетов, которые со слезами умиления готовы жить и умереть «под музыку Вивальди, под славный клавесин»... Так было, так есть и так будет всегда, пока существуют на земле Человек и его Культура».

Иными словами, эта мысль В.Л. Кургузова отражает ту диалектическую истину, что «...в природе и обществе нет абсолютных плюсов, как и абсолютных минусов. Поэтому мы согласны с тем, что «терминологически целесообразно, может быть, было бы использовать термин

«политика в области культуры», а не термин «культурная политика» [6]. Ну, коли уж в нашей литературе и даже государственных документах укоренился последний из них, надо бы объясниться, а что мы под ним понимаем.

Главной доминантой в определении понятия «культурная политика» являются исходные представления о культуре. Сегодня все признают стадийность развития культуры, ее обусловленность общественным строем, этапами развития общества и т. д. Именно поэтому культура не поддается логически однозначному толкованию. По данным директора института культурологии РАН К.Э. Разлогова, на сегодняшний день фигурирует более двух тысяч ее определений [7]. В своем исследовании мы исходим из понимания культуры как *системообразующей основы общества, влияющей на условия формирования и реализации потенциальных возможностей личности.*

Наряду с теоретическим определением культуры существует и «прикладная» формулировка, которая значительно влияет на содержание сущности культурной политики. Из нее следует, что *культура – это явление, способствующее повышению духовного и материального уровня жизни людей и общества в целом.* В таком ракурсе культура уже рассматривается, как своеобразный инструмент для достижения вполне конкретных общественных целей.

Научные исследования феномена культурной политики восходят к концу 60-х годов XX столетия, когда в ходе дискуссии под эгидой ЮНЕСКО в 1967 году в Монако была подчеркнута необходимость признания некой «общечеловеческой» модели культурного поведения государства.

В этом смысле приоритет в определении понятия «культурная политика» принадлежит этой международной организации, которая признала необходимость и целесообразность некой «стандартной», «общечеловеческой» модели культурной политики. И хотя, как отмечают И.И. Горлова, В.С. Жидков и О.И.

Карпухин, трактовка понятия «культурная политика» сегодня весьма многозначна, все же существует ее определение, сформулированное ЮНЕСКО. В нем культурная политика репрезентируется в качестве *«комплекса операционных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры..., направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время»* [8].

Такое определение культурной политики могло бы вполне устроить и нас, если бы оно не преувеличивало роль государства. Государство в этом процессе монополистом быть не только не может, а даже и не сможет. Творцом культуры, а стало быть, и культурной политики являются все же народ, общество и его консолидирующие институты, в том числе, разумеется, и государство. Исходя из этого, мы разделяем точку зрения В.Л. Кургузова, который определяет этот термин следующей дефиницией: *«Культурная политика, есть не что иное, как систематическая деятельность народных масс, государства, классов, политических партий, самодельных общественных объединений, школы и церкви в конкретное время и в конкретном пространстве, определяемая их интересами и целями, которые достигаются последовательным решением поставленных задач с помощью специфических средств и методов»* [9].

Анализ других многочисленных толкований понятия «культурная политика» выявляет большое разнообразие теоретико-методологических подходов в ее определении. Многие исследователи правомерно отмечают, что культурная политика зависит от политики социальной и, являясь одним из ее разделов, в то же время начинает рассматриваться как некий самостоятельный и самодостаточный феномен. Такой подход, на наш взгляд, позволяет выделить основные аспекты культурологического анализа со-

держания понятия культурной политики.

Во-первых, культурная политика в таком случае должна быть неотъемлемой частью многих направлений государственной политики. *Во-вторых*, она должна быть важнейшей составляющей частью социальной политики в целом. *В-третьих*, в узком смысле, культурная политика должна рассматриваться как самостоятельный феномен, направленный на поступательное развитие отрасли культуры и искусства.

В процессе определения сущности культурной политики многие исследователи сегодня пытаются разрабатывать ее модели (Т.В. Белова, П. Бюль-Бюль-оглы, Л.С. Васильева, И.И. Горлова, В.С. Жидков М.Р. Деметрадзе, А. Дугин, С. Кара-Мурза, И.В. Кондаков, Ф.Т. Мамедов, Б.В. Сазонов, К.Б. Соколов, В.В. Стебляк, В.А. Тишков, Н.А. Томилов, Г. Шаргородский, В. Чопич и др.). Эти модели выделяются по различным концептуальным признакам и параметрам. В реальности же, как нам представляется, существующая и функционирующая сегодня культурная политика представляет собой определенное сочетание различных моделей при доминировании одной из них.

Иными словами, современная модель культурной политики, как справедливо отмечает культуролог Л.С. Васильева, характеризуется противоречиями «конфликтующих» моделей: модели *тоталитарной культуры*, *культуры общества потребления* и *либеральной модели*. «Отчетливо заметно, – пишет она, – что в двух первых моделях государство непосредственно определяет приоритеты и распределяет свои ресурсы. Здесь культура выступает в качестве своеобразного инструмента по отношению к другим социальным сферам. В то же время, внедряя элементы либеральной модели культурной политики и способствуя поддержке многообразия культурного пространства, государство шаг за шагом снимает с себя обязательства в финансировании сферы культуры», особенно, добавим мы, на селе.

Изменения, развитие, подъемы и спады культуры, которые так характерны для реформационных эпох, определяются состоянием двух взаимосвязанных форм – *субъектов* и *объектов* культурной политики. Основными *субъектами* культурной политики являются государство с его специальными органами и инфраструктурой культуры; общество как совокупность субкультурных групп; меценаты, спонсоры и иные представители финансово-деловых кругов, обладающие возможностью влиять на сферу культуры; специалисты сферы культуры, деятели искусства и др. Субъекты культурной политики принимают активное участие в ее формировании и реализации. При этом, если говорить о характере процесса формирования и реализации, то его можно условно разделить на два модуля: стратегический и тактический.

Стратегический модуль состоит из следующих этапов: детального анализа социокультурной ситуации; выявления проблемно-целевых ориентиров культурной политики и определения на их основе ее приоритетов; формирования целей и задач. *Тактический* модуль предполагает использование соответствующих способов, технологий и ресурсов, в том числе программного способа социокультурного проектирования, программирования и планирования; научно-идеологического и социально-психологического обеспечения культурной политики через такие сферы, как искусство, спорт, наука, образование, средства массовой информации, религия; оптимальное использование кадровых, экономических, правовых, информационных и других ресурсов.

Объектами культурной политики, в самом широком смысле, являются все общество, все его слои и социальные группы, в том числе и молодежь.

Поскольку наш исследовательский интерес, в конечном счете, направлен не на культурную политику в целом, а на культурную политику *среди молодежи*, то возникает необходимость обрисовать наше понимание одной из подсистем ка-

тегории политики, определив в общих чертах свое отношение к сущности феномена *молодежной политики*.

В одной из своих статей по данной проблеме Г.В. Куприянова приводит такое ее определение: *«Государственная молодежная политика представляет собой деятельность государства (совместно с различными общественными объединениями), направленную на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для реализации инновационного потенциала молодых людей, а также на поддержание определенного социального (экономического, правового, политического, этнического, культурного и т. д.) статуса той молодежи, которая в силу тех или иных причин находится в трудном, ущемленном положении по сравнению с другими группами (слоями) населения и при этом не имеет возможности самостоятельно улучшить свое положение»* [10].

На наш взгляд, это определение молодежной политики вполне приемлемо для научного дискурса, однако в нем никак не отражены субкультурные и сепаратно-субкультурные характеристики молодежи. Они как-то выпали из этого определения. Такое упущение делает данное определение теоретически уязвимым, т. к. мы уже отмечали в предыдущем параграфе, что практически вся молодежь приходит во взрослость через молодежные субкультурные группы, которые должны быть объектом особого внимания государственных структур и общественных объединений.

Некоторые исследователи молодежной политики России выделяют определенные этапы ее формирования. Например, Г.С. Гыргенова полагает, что в XX веке таких исторических этапов было четыре [11].

1. Период до 1917 года – выделение молодежи в качестве социальной группы и формирование политических и идеологических установок молодежной политики.

2. 1917 – 1953 годы – реализация жесткой партийно-политической модели молодежной политики.

3. 1953 – 1989 годы – ослабление и крах партийно-политической модели молодежной политики.

4. 1990-е годы – поиск новых моделей и институализация молодежной политики в Российской Федерации [12].

В этой периодизации есть, на наш взгляд, одна смысловая неточность. Называть «крахом» *партийно-политическую модель* молодежной политики нет ни малейших оснований. Словом «крах» (*krach* – нем., *разорение, банкротство, полная неудача, провал*), наверное, можно назвать лишь *крушение коммунистической модели* молодежной политики, но не *партийно-политической*. Сегодняшняя действительность полностью подтверждает этот наш вывод: современные массовые движения российской молодежи («Наши», «Молодая гвардия» и др.) имеют ярко выраженную *партийно-политическую окраску*. И это правильно, ибо слово «партия» означает «часть». В конкретном случае – молодежь это значительная *часть общества*. Все партии объективно заинтересованы в усилении влияния на массы. Как же они в этом случае откажутся от «партийно-политической модели» в осуществлении своей молодежной политики?

Зачатки формирования молодежной политики в России мы найдем уже в конце XIX века. Именно тогда начался исторический переход от рассмотрения молодого человека как индивида, являющегося объектом социализации в семье, к анализу «молодого поколения» как общности, члены которой обладают сходным статусом, и как объекта определенной государственной политики.

И все же, наиболее активно молодежная политика начинает проявлять себя с приходом Советской власти, главным образом, с рождением в 1918 году Российского Коммунистического Союза Молодежи (РКСМ) и превращения его в единственную молодежную общественно-политическую организацию в стране. Можно выделить четыре этапа, четыре основных направления осуществления этой политики через комсомол.

Во-первых, это было молодежное крыло компартии, служившее проводником официальных партийно-государственных идей в молодежную среду и главным источником ее пополнения. *Во-вторых*, это было широкое молодежное движение, объединяющее значительную часть молодежи, в том числе по интересам (профессиональному, клубному признаку). *В-третьих*, это была молодежная политическая организация, что особенно сильно проявилось в последние годы существования комсомола в виде политических инициатив и движений. *В-четвертых*, это была организация, непосредственно участвующая в выполнении функций государственного органа в отношении молодежи (система рекомендаций на определенные виды деятельности; поддержка молодежного художественного и технического творчества, предпринимательства, организация досуга, туризма, мобилизация рабочей силы, правоохранительная деятельность, наличие права законодательной инициативы и т. д.)

Сегодня, к сожалению, такой мощной организации молодежи в России нет, и это обстоятельство крайне негативно влияет на формирование молодежной политики вообще и молодежной культурной политики в частности. Государство, по каким-то причинам (может быть, из-за боязни) не использует сполна этот мощный созидательный потенциал в реформационном процессе российской действительности.

С середины 50-х до середины 60-х годов прошлого века наблюдается повышенное внимание государства к молодежным проблемам. Данный факт отчасти можно объяснить влиянием «молодежной революции» на Западе, «оттепелью» в политическом руководстве страны, а также кризисом системы социализма (события в Венгрии, Чехословакии и других странах). Интерес к молодежной проблематике в эти годы со стороны государства направлялся потребностью удержать молодое поколение в рамках наследования социалистических идеалов,

сохранения принципов преемственности поколений.

Последующий за этим период 1966 – 1985 гг., который популисты нашей отечественной истории обозначили как период «застоя» (какой уж там «застой», если по объемам валового продукта мы пока что не можем достигнуть уровня 1990 года...), характеризовался, как отмечает Б.С. Гыргенова, «экстенсивным развитием высшего образования в стране и усилением плановой системы управления. С одной стороны, это позволило обеспечить подготовку молодых специалистов практически для всех областей современной науки и социо-культурной практики, а с другой – породило немало проблем, которые наиболее отчетливо проявили себя в последующие годы».

Непоправимый ущерб комсомолу нанесли невнимание государства к его реальным интересам, стремление использовать молодежь в интересах тех или иных ведомств, «зажать» ее активность в рамках господствующих правил. В эти годы было забыто, что изначально комсомол создавался как самостоятельная политическая организация, выражающая и защищающая интересы молодежи. С конца 60-х годов XX века под лозунгом усиления идеологической борьбы на мировой арене всячески подавлялись самостоятельность и инициатива молодежи, что привело к устранению из общественной жизни людей с активной жизненной позицией.

В начале 70-х годов стали закрываться дискуссионные политические клубы, запрещалась деятельность значительной части молодежных клубов по интересам, распускались популярные в молодежной среде вокально-инструментальные ансамбли, не давались разрешения на проведение фестивалей самостоятельной авторской песни и т. п. В целом вся не институализированная активность молодежи находилась под жестким идеологическим и политическим контролем партийных, комсомольских органов и органов государственной безопасности. В результате такой недалековидной моло-

дежной политики общественная жизнь молодых людей была сведена к стандартным формам: субботники, демонстрации, вахты памяти, выдвижение кандидатов в депутаты и т. д.

Возможно, такой негативный вектор развития молодежной политики опосредовал качественный поворот в ее обновлении. Появилось осознание того, что в стране, прежде всего, должен быть государственный нормативный документ, который бы регулировал все вопросы взаимодействия государства и молодежи и являлся нормативной базой осуществления молодежной политики в СССР. Как следствие этого, именно в недрах ЦК ВЛКСМ в середине 60-х, затем в 70-х и наконец в 1987 – 1988 годах был разработан проект закона о молодежи, призванного определить статус молодежной политики в стране. С другой стороны, как пишет И.Л. Савельев, «в этот период ситуация «застоя» сменилась горбачевской «перестройкой», в которой молодежи, по традиции, отводилась «важнейшая роль» [13].

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что с развитием законодательной базы государственной молодежной политики начался новый, конструктивный этап, который характеризуется последовательной активностью законодательных органов как страны, так и субъектов Российской Федерации, которые в своем законотворчестве по существу формируют правовую, финансовую и организационную базу федеральной и региональной молодежной политики.

Анализ нормативных документов и научных публикаций позволяет нам выразить свое мнение о целесообразных векторах ее реализации. На наш взгляд, при всей важности других, основными векторами молодежной политики в современной России должны быть:

- гарантированное право на обязательное школьное образование и последующую доступность образования высшего;
- гарантированное право на медицинское обеспечение, создание всех условий

для решения валеологических проблем подрастающих поколений;

– обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи с целью формирования уверенности молодого человека в ответственный в его жизни период «перехода» от школы к производству.

- поддержка молодой семьи;
- предоставление государством социальных услуг и поддержка талантливой молодежи;
- обеспечение политического представительства молодежи во всех органах федеральной и региональной власти по ее вертикали.

Последнее – крайне важно. Чтобы нести тяжелый груз ответственности за судьбу старших поколений и общества в целом в период его реформации, молодежь, по справедливому мнению П.А. Меркулова, «должна располагать определенными политическими ресурсами. Без этого невозможно стать общественным субъектом, способным принимать ответственные политические решения, направленные на преодоление кризиса и стабилизацию общества на новых демократических основаниях. В данном случае речь должна идти не о естественной смене поколений, когда политическая элита обновляется чисто биологически, путем замены отдельных ее представителей на более молодые кадры, а о социальной смене поколений, которая выпадает в определенные периоды общественных преобразований» [14].

При этом необходимо особо подчеркнуть, что только на основе личной ответственности за самого себя, за свою семью, выполняемую работу в сфере экономики и культуры и осознания личных интересов, интересов своей социальной группы представитель молодого поколения имеет возможность претендовать на свое политическое бытие в качестве субъекта политики.

Однако не следует забывать и тот факт, что физический и интеллектуальный расцвет человека обусловлен его деятельным общением. Если он в самую пору расцвета выпадает из этих форм и

по многим причинам не втягивается в соответствующие его потребностям и способностям социальные связи, то ни его возраст, ни его таланты – ничто не обеспечит ему социальных ресурсов, необходимых для продуктивной деятельности. Тем более, когда речь идет о такой специфической деятельности, как деятельность в политическом пространстве.

Еще в середине 90-х годов прошлого столетия тогдашний председатель Национального совета молодежных объединений России В. Лепехин констатировал, что «вообще, участие молодежи в политике, в общественной деятельности – не проблема. Было бы желание. А желания сказать свое слово в такой весьма неприглядной области, как политика, у молодых пока нет. Что объяснимо. Гигантские перспективы открываются сегодня в иной сфере – в экономике. Именно в экономику, в предпринимательство идут сегодня самые активные и талантливые» [15]. К этому мы добавим лишь, что за прошедшие 15 лет мало что изменилось. Мы и сегодня наблюдаем «бегство» молодежи в предпринимательство, и оно остается доминирующим.

Однако не следует забывать, что расширяющаяся сфера криминальной экономики тоже привлекает к себе значительную часть молодежи. Это связано не только с получением больших доходов, но нередко и с угрозой безработицы, в клещи которой попадают, прежде всего, молодые люди.

Вместе с тем, в определенном смысле, сегодня можно говорить о возникновении кризиса экономического сознания молодежи или, в лучшем случае, его деформации. Дело в том, что в России упала ценность производительного труда как источника материального благополучия. Как показывают исследования, ходить на работу и что-то там делать заставляет только страх перед безработицей и утратой хоть какого-то источника доходов. Когда молодежь видит, что зачастую обогащаются не самые трудолюбивые и не самые способные, то подры-

вается вера в справедливость и стимулы к честному труду.

Примечательно, что даже там, где в силу специфики трудовой деятельности молодежь может реализовать свой творческий потенциал, например, в науке, сегодня происходит резкий отток молодежи. Падает не только престижность науки, но и знания вообще. Это понятно: если кандидат наук, например, получает зарплату меньше, чем московский дворник, и армию безработных в основном составляют представители умственного труда, то всякие стимулы повышать свое образование будут теряться и впредь. Сегодня государство, кажется, поняло угрозу этого и повысило вузовским ученым выплаты за ученую степень докторов и кандидатов наук.

Найти себя, почувствовать себя творцом молодежь может и в сфере рок-музыки, молодежного театра или спорта. Но и это поле развития личности сегодня сужается, профессионализируется, коммерциализируется, превращается в зрелище со своими законами спроса и предложения. Молодежь здесь в основном выступает в роли пассивного зрителя, «фанатов потребления», а не творцов культуры. С другой стороны, в сфере культуры многое сегодня происходит «шиворот навыворот». Профессионализм и самодетельность как бы поменялись местами. Все истинно творческое оказалось на периферии. Шоумены создают образцы «культуры» и «звезд эстрады» (возникают даже «фабрики» этих «звезд»), улавливая невзыскательный спрос молодежи на суррогаты искусства. Впрочем, каков спрос, таковы и предложения. Воспитание истинно художественного вкуса, как известно, требует немалых инвестиций, а удовлетворение спроса дает прибыль. Поэтому культура нищает, а поп-культура процветает.

Все это еще раз подтверждает, что необходимость формирования молодежной культурной политики и повышения политического статуса молодежи наталкивается на неадекватный уровень овладения ею всей совокупностью политиче-

ских и культурных ресурсов. Анализ данного процесса позволил обнаружить в нем следующие противоречия:

– расширение политических свобод, может, и усиливает индивидуальную активность молодежи, но снижает ее организованность как политического ресурса молодежи в целом;

– самоорганизация гражданского общества вне правового регулирования приводит не к формированию политической культуры, овладению культурной политикой, а к политическим и культурным конфликтам, где молодежь выступает простым орудием различных политических и социальных сил и этнократических элит;

– новые возможности самореализации молодежи в экономике одновременно снижают стимулы в повышении уровня своего политического и культурного потенциала и участия в политических и культурных процессах.

Таким образом, хотя отдельные представители молодежи сегодня заняли солидное положение в экономических и политических структурах общества, но молодежь в целом не имеет пока благоприятных условий для реализации своей субъективности, повышения политического и социокультурного статуса.

Анализ позитивных и негативных тенденций в молодежной среде позволяет нам сделать прогноз, что если и дальше процессы самоорганизации гражданского общества будут пущены государством на самотек, то в молодом поколении россиян произойдут необратимые изменения, которые поставят под вопрос не только будущее молодежи, но и будущее демократической России. Только сильная и эффективная молодежная политика способна помочь молодежи выполнить свою историческую миссию – стать достойной сменой уходящих поколений, сменой, способной успешно решить поставленные перед страной реформационные задачи.

Литература

1. Культурология. XX век: энциклопедия. В 2 т. / гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я. Левит. СПб.: Унив. книга, 1998. Т. 1: А-Л. 447 с.

2. Энциклопедический словарь по культурологии / под ред. А.А. Радугина. М.: Центр, 1997.

3. Энциклопедический словарь культуры XX века / сост. В.П. Руднев. М., 1997.

4. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М., 2001.

5. Кургузов В.Л. Гуманитарная культура // Сб. науч. тр. ВСГТУ. Улан-Удэ, 2011. С. 325.

6. Там же. С.256

7. Культурная политика Российской Федерации: нац. докл. [Европейская программа обзоров по нац. культ. политике] / [рук. авт. коллектива К.Э. Разлогов]; М-во культуры РФ, Совет Европы. Страсбург: Комитет по культуре, 1996. 192 с.

8. Карпухин О.И. Самооценка молодежи как индикатор ее социокультурной идентификации // Социол. исслед. 1998. № 12. С. 89-94.

9. Кургузов В.Л. Указ. соч. С. 248

10. Куприянова Г.В. Основы работы с молодежью. М., 2010. 186 с.

11. Гыргенова Б.С. Историография государственной молодежной политики в России // Власть. 2008. № 3. С. 56-59.

12. Там же. С.

13. Савельев И.Л. Государственная молодежная политика в отношении студенчества в условиях современной социально-политической трансформации российского общества.... дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2000. 124 с.

14. Меркулов П.А. Противоречия формирования политического статуса молодежи в переходном обществе // Сб. науч. тр. РАГС. М., 1997. С. 28-42.

15. Лепехин В. От какого наследства мы отказываемся // Власть. 1993. № 2. С. 43-48.